

УДК 130:321.8

А.Р. Бейшембаева

ПРОБЛЕМА МЕНТАЛЬНОСТИ И ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ

В статье ставится проблема роли менталитета народа Кыргызстана в экономической, социально-политической жизни республики. Намечаются перспективы изучения его возможностей.

Сегодня Кыргызстан находится в положении социально-экономического кризиса, и поэтому говорить о перспективах для республики в оптимистическом ключе трудно. В настоящее время в Кыргызской Республике наблюдается полный распад экономических связей. При этом реформы, направленные на создание рыночного хозяйства, как правило, плохо продуманы и непоследовательно проводятся в жизнь.

В социальной и политической областях мы наблюдаем почти полную дестабилизацию: авторитет государственной власти падает, растет преступность и создается впечатление, что нелегальные группировки и мафия могли бы быть единственной опорой для многих социально-дезинтегрированных лиц.

Экономическая политика свободного рыночного хозяйства и законодательства продвигаются очень медленно. Если говорить об успехах приватизации у нас в республике, то необходимо подчеркнуть, что в производстве промышленной и сельскохозяйственной продукции она составляет лишь ничтожную часть всего, в то время как наибольшую часть так называемой частной инициативы занимают торговля и спекуляция. Абсолютно неупорядоченные отношения ведут к ограничению предпринимательской активности и готовности к сотрудничеству со стороны западных инвесторов. Сегодня уже свыше половины населения Кыргызстана живет ниже прожиточного минимума. Различные политические и социальные группировки, борющиеся друг с другом, преследуют эгоистические цели, но не разрабатывают никаких экономических концепций, способных решить проблемы в направлении рыночного хозяйства и демократии.

Наше руководство во главе с А. Акаевым старается идти навстречу ожиданиям запада в плане принятия и развития системы социального рыночного хозяйства. Активность реформаторов якобы блокируется различными оппозиционными группировками, которые находятся, например, в парламенте. Возникает вопрос, возможно ли при введении рыночного хозяйства у нас в республике при существующих культурных и социально-экономических условиях прямолинейное перенимание западных стандартов или же Кыргызстан должен найти собственный путь к рыночному хозяйству, соответствующий его ресурсам и менталитету?

Если этот путь не найден и не стимулируется, и если механистическое перенимание западных стандартов разбивается о кыргызский менталитет, под сомнением оказывается вопрос о сотрудничестве западных инвесторов с нашими реформаторами. Тем самым множатся опасности упустить серьезный исторический шанс.

Этот шанс республике был дан после развала тоталитарной системы, когда граждане интуитивно устремились к свободному рыночному хозяйству и демократии. В процессе строительства социализма у нас сформировались особые формы организации, особые стереотипы мышления (их-то мы и называем советской ментальностью), рафинировались

особые методы и средства, которые абсолютно несовместимы с ориентацией на открытое общественное устройство: гражданское общество, правовое государство, рыночное хозяйство. Все это вообще не строится по приказу сверху, а выращивается по инициативе снизу, начиная с осознания и смены привычных форм организации, стереотипов мышления, методов и средств.

Короче, мы считаем, что при том повороте дел, который сложился ныне в Кыргызстане, наступивший кризис был неизбежен. Он мог разразиться раньше, мог позже, но он не мог не случиться. Вопрос теперь состоит в том, осознаем ли мы эти обстоятельства, сделаем ли надлежащие выводы по части «курса реформ», который не может быть ни синонимом «хода дел», ни результатом чисто искусственных отношений властвующей элиты.

Дабы способствовать такому осознанию, попробуем хотя бы что называется «в нулевом приближении» наметить зависимость текущих событий от господствующей ментальности. Замечательный пример проявления этой ментальности продемонстрировал применительно к военной реформе один крупный оборонщик: «... Что делать - уже ясно, как делать - тоже становится ясным. Но расхождения между целями реформы и результатами нарастают с угрожающей быстротой. В условиях кризиса государство оказалось не в состоянии поддержать военную реформу...». Вот незадача: и что делать - знаем, и как - «становится ясным», только, как в известном анекдоте, вместо швейной машинки получаются пулеметы. Опять же кризис все карты спутал. При этом вопрос о том, что и как делать в условиях кризиса, пересмотреть ли методы и средства реформирования, даже не ставится: это принятой концепцией не предусмотрено. Кто же, действительно, мог предположить, что наступит кризис, когда подъем промышленного производства уже объявлен?!

Не всем нашим реформаторам и не все так ясно, но «расхождения между целями и результатами нарастают с угрожающей быстротой» не первый год, так что возникает подозрение, что причины здесь перепутаны со следствиями: может быть, не кризис мешает осуществлению реформ, а реформы, по крайней мере в том виде, как их пытались осуществить, привели к кризису? Но поскольку объявленные ориентиры реформ - рыночное хозяйство, правовое социальное государство, гражданское общество - вряд ли могут сами по себе вызвать кризис, остается думать, что либо названные ориентиры служили лишь «дымовой завесой» для достижения власть предержащими совсем других и вовсе не афишируемых целей, либо вопрос о том, как двигаться к названным ориентирам, не был все же надлежащим образом проработан.

Мы думаем, что объявленные с 1991 года цели реформ постепенно превратились в лозунги, используемые как средство самосохранения правящей «элиты» в качестве правящей, но дело даже не в этом. Без надобности не следует умножать сущности, а все происходящее в нашей республике, включая и указанную подмену целей, вполне объясняется дефицитом методов и средств. Более того, мы утверждаем, что при сохранении и господстве советской ментальности нынешний экономический и политический кризис вполне естественен. Нет надобности в привлечении каких-либо дополнительных объяснений типа «козней врагов». У нас нет худших и злейших врагов, чем мы сами.

Иными словами, мы утверждаем, что семидесятилетнее господство большевизма если и было «выпадением из истории», то лишь в некотором специфическом смысле и, как говорится, «с одной стороны». С другой же, и с гораздо более существенной, это был важнейший этап нашей истории, действительно сформировавший «новую историческую общность - советский народ», который, распавшись на новые независимые государства, вовсе не потерял своей благоприобретенной общности: общности менталитета. И в Кыргызстане именно советский менталитет объединяет в большей или меньшей степени

всех нас: от президента до чабана, от конфессиональных иерархов до милиционеров, от демократов до коммунистов.

Именно в нашем менталитете мы видим главную опасность для нас и для нашей страны. Именно из-за него реформы умирают, не успев родиться, либо превращаются в свою противоположность: они ведь всерьез не продуманы и не подготовлены. Именно менталитет предопределяет заведомо невозможный способ перехода от тоталитаризма к демократии. Именно благодаря ему существующий потенциал в Кыргызстане не обращается в ресурсы развития, а тупо разворачивается и проедается: о последствиях никто не хочет думать. Раньше страну грабили для поддержания гонки вооружений и «прогрессивных режимов» во всем мире; теперь грабят (еще более беспардонно) с целью обогащения тех, кто контролирует рычаги власти, - бывшей партгосноменклатуры второго-третьего эшелонов. Что в этом смысле изменилось с советских времен? Советский менталитет порождает тотальную безответственность, в которой многие видят причину кризиса. Как известно, безответственность в бизнесе - это положение, когда деньги в особо крупных размерах делаются сегодня, а о том, что будет завтра, никто не задумывается. Безответственность в экономике - это слепая вера в МВФ и сырьевые запасы.

Попытаемся далее по необходимости коротко охарактеризовать некоторые особенности нашего менталитета, связанные с ними формы организации деятельности и проиллюстрировать все это конкретными примерами.

Если попытаться охарактеризовать нашу ментальность, те самые «стереотипы мышления», о которых у нас так любят говорить, не раскрывая содержание этих слов, то мы начали бы с того, что мышление несовместимо со стереотипами, или (что то же самое) менталитет представляется нам застывшим, окаменевшим, умершим мышлением. (Это обстоятельство было осознано сравнительно недавно, что выразилось, в частности, в формировании в последние десятилетия «истории ментальности» как особого раздела истории, противопоставляемого истории мысли).

Определяющая особенность советской ментальности, генетически связанной с наличием «единственно верного учения» и «научной картины мира», состоит в почти полной неспособности к рефлексии, то есть прежде всего к различению своих методов и средств, с одной стороны, и результатов использования по отношению к окружающему нас миру (и нам самим), - с другой. Чтобы критически проанализировать, а в случае надобности - сменить свои методы и средства, надо, как минимум, научиться разделять их и мыслить отдельно от себя и окружающего мира. Но именно этого мы не умеем делать.

Счастливым обладателям всепобеждающего учения все это было не нужно. Теперь, когда понадобилось, оказалось, что мы не в состоянии промыслить план средств как таковой - отдельно от нашей картины мира, отдельно от плана организации наших мышления и действий. Но именно эти различия лежат в основе **современной организации мышления**. «Склеивая» средства предметами своей деятельности, мы получаем то, что Маркс назвал превращенными формами. «Капитализм» и «социализм», «прогресс» и «модернизация» перестают быть для нас средствами анализа или изменения мира, в котором мы живем, а превращаются в эмпирически существующие феномены этого мира. В таком мире можно жить, но в нем ничего нельзя изменить. Этот мир, как мы помним, «невосприимчив к нововведениям». Зато в нем возникают совершенно замечательные (и нередко злокачественные) новообразования. Только упомянутая безосновательная натурализация капитализма и социализма приводит к вполне реальному расколу общества на «белых» и «красных».

Полагая те же средства имманентно присущими нашему мышлению, мы делим весь мир на «наших» (пользующихся тем же набором средств) и не «наших» (обладающих

другими средствами). При этом «мы», конечно, правы, а «они» заблуждаются уже хотя бы потому, что видят мир или организуют и осуществляют свою деятельность не так, как мы. Способность к взаимопониманию, диалогу исчезает. В лучшем случае мы можем объяснить им, как все устроено «на самом деле» и как следует жить «по справедливости». Мы еще не забыли: «два мира - две системы», а между ними - железный занавес.

Не будем, однако, забывать и того, что мы строим сейчас особые конструкции, предназначенные для анализа собственной ментальности. В рамках же самой ментальности, поскольку план средств отдельно не выделяется, склейки обоих типов производятся одновременно неконтролируемым образом. Но крайности сходятся, и, намертво склеившись с тем или иным набором средств (то есть, освоив его сами и не имея сил от него отказаться), мы сами становимся превращенными формами: умираем как личности и оказываемся «винтиками», подогнанными к определенным местам функционирующей системы.

Невыделенность плана средств, их несменяемость влечет за собой также неразличение двух пар фундаментально разных типов организации мышления. Первая из них, которой мы уже касались, - это пара **монологичной и диалогичной** организации. Монологичная организация автоматически следует из отсутствия рефлексии и невыделенности плана средств. Диалогичная, напротив, наряду с обязательной рефлексией средств предполагает еще и соответствующую ценностную ориентацию.

В рамках монологичной организации сторонник каждой позиции считает, что только он видит подлинную суть дела, а другие ее не видят, или видят «неправильно». Правильное решение для него единственно и безальтернативно. Для сторонника диалога, напротив, «суть дела» или истина существуют потенциально, в возможности их достижения; актуально же мы имеем дело с множеством разных точек зрения при отсутствии внешних стандартов истины или правильности принимаемых решений. Правильно то решение, которое позволяет учесть и согласовать интересы представителей разных позиций, не выходя при этом за рамки права.

При монологичной организации мышления власть предрешающих основной принцип права - принцип формального равенства - перестает работать. Право трактуется позитивистски, т.е. подменяется удобными власти законами (или беззаконием). Демократия становится невозможной и вырождается в ту или иную разновидность авторитарного или тоталитарного режима.

Вторая из упомянутых пар - различение **задачной и проблемной** организации мышления. Задачная организация строится на уверенности в наличии всех необходимых средств для достижения поставленных целей. Проблемная, напротив, исходит из предположения о дефиците средств, о необходимости их разработки. Как и в предыдущем случае, отсутствие рефлексии и плана средств автоматически приводят к загадочной организации. Рефлексия средств позволяет каждый раз выбирать между той или иной формой организации, причем выбор задачной организации отнюдь не предопределен фактическим наличием нужных средств. При желании их можно отложить в сторону и заняться разработкой новой (что называется инновационной деятельностью).

В данном контексте особый интерес представляет противоположный случай, когда, не имея необходимых средств, мы все же пытаемся добиться поставленной цели наличными средствами. Делать это можно как сознательно (тогда мы сталкиваемся с обманом), так и бессознательно (самообман, добросовестное заблуждение), но при всех условиях поставленная цель здесь не может быть достигнута в принципе: получается что-то другое, выдаваемое за нужный результат. Это «другое» получило название «фиктивно-демонстративного продукта» (ФДП) и имело широкое распространение при социализме.

Пока в значительной мере фиктивно-демонстративной остается наша демократия: демократия в конце XX века немыслима при отсутствии гражданского общества и правового государства, а они существуют у нас только на бумаге: фиктивно-демонстративные законы, не имеющие механизмов реализации. Последний пример - план введения монополии на водку: похоже, что у нашего государства нет средств для осуществления этой благой, но как всегда, не проработанной идеи.

Доминирующие стереотипы мышления порождают и соответствующие **формы организации деятельности**. Их характеристика позволит зафиксировать еще некоторые определяющие черты нашей ментальности.

Господствующие у нас формы организации деятельности в сфере принятия решений связаны с отсутствием необходимых различий и соответствующей диверсификации средств и форм организации деятельности. Мы имеем ввиду, во-первых, фундаментальное различие управления как особой «творческой деятельности» и власти, констатирующей исполнительскую систему; во-вторых, диверсификацию собственно управленческой деятельности: различие организации и реорганизации структур, с одной стороны, и регулирование процессов, текущих в заданной структуре, - с другой; различие собственно управления, учитывающего интересы управляемой подсистемы и руководства, игнорирующего их.

Но есть еще и третий, не менее важный момент, связанный уже не только с диверсификацией средств, но и с разделением труда между действующими политиками и управленцами, с одной стороны, и службами их интеллектуального обеспечения, - с другой. Будучи реалистами, мы понимаем, что первые вынуждены отдавать львиную долю своего времени и сил решению текущих вопросов, затыканию непрерывно множащихся дыр, но именно поэтому рядом с ними надлежит существовать программно-концептуальной и аналитической службам, первоочередной задачей которых является работа на перспективу и соответствующее обеспечение прорабатываемых и принимаемых сегодня решений. Номинально они вроде бы есть, но со своими задачами явно не справляются и справиться не могут в принципе.

Не могут по той причине, что наши лица, принимающие решения (ЛПР), происходящие в своем большинстве из обкомов, райкомов и прочих советских органов, привыкли к научному обоснованию своих решений, а оно принципиально отличается от обсуждаемого интеллектуального обеспечения тем, в частности, что первое может быть отчуждено от авторов и представлено в привычной форме записки («не более полутора-двух страниц»!) с кратким обоснованием «правильного» решения. Второе неотчуждаемо от авторов, поскольку не содержит никаких готовых истин. Интеллектуальное обеспечение - это процесс, происходящий обычно в форме диалога, коммуникации. В диалоге и рождаются нужные ЛПР решения, которых первоначально не было ни у кого из его участников.

Однако наши ЛПР не имеют ни привычки, ни времени, ни охоты вести диалог. Они либо знают правильное решение, либо хотят получить его готовеньким. Но ни анализ ситуации, ни программу нельзя изготовить, как сапоги по заказу, на стороне: это будет чужая (для заказчика) ситуация и чужая программа. Чтобы они были своими, нужно, как минимум, принимать участие в анализе и разработке. Но это только полдела. Вторая же его половина состоит в том, что места аналитиков и концептуалистов у нас, как правило, занимают ученые, привыкшие, как сказал когда-то М.Е. Салтыков-Щедрин, освещать светлом науки то, что начальству угодно.

Между тем ни аналитическая, ни концептуально программная работа вовсе не идентична научно-исследовательской. Наука в точном смысле слова, во-первых, имеет

дело с феноменальной данностью; она исследует особые конструкции - реальные объекты вроде математического маятника, идеально упругого тела (в физике) или веберовских идеальных типов (в социологии). Во-вторых, классическая наука ориентирована на познание истины. Ни концептуально-программная, ни аналитическая работа ничего подобного не предполагают. Во-первых, они ориентированы именно на феноменальную данность жизни; во-вторых, призваны обеспечить перемены в ней (а вовсе не познавать истины). Концепции, программы, проекты направлены на это непосредственно; аналитика - опосредованно: через обеспечение реализуемости концепций и т.д.

С другой стороны, необходимо различать аналитическое обеспечение, приводящее к перестройке той деятельности, для которой оно выполняется, и информационное обеспечение, ориентированное на поддержку функционирования обеспечиваемой деятельности. В нашей практике все это смешано. Аналитическое обеспечение подменяется информационным, концептуально-программное - научными или псевдонаучными разработками, взаимоотношения с общественностью - имиджмейкерством и техниками манипулирования поведением электората, получившими наименование «политических технологий».

В совокупности крайняя затрудненность рефлексии при отсутствии названных (и множества других) различий лишают властвующую элиту способности к самоопределению, донельзя сужают возможности выбора в процессе принятия решений. В конечном счете вместе с отсутствием упоминавшейся диверсификации средств, форм разделения труда это делает невозможным так называемое «стратегическое планирование», т.е. разработку тех самых концепций, стратегий, программ, без которых со времен М. Горбачева мы так и не можем решить, откуда и куда идем.

Без них нет никакого курса реформ, а остаются лишь судорожные шараханья под давлением обстоятельств.

Без них невозможно просчитать последствия принятия тех или иных решений: «непредсказуемые последствия» сопровождают практически все наши решения; они стали уже как бы фирменным знаком всего, что мы делаем. Другая сторона непредсказуемости последствий - упоминавшаяся тотальная безответственность.

Без них мы оказываемся в вечном цейтноте: нам некогда заниматься концепциями из-за необходимости срочно латать непрерывно множась дыры. Но они и множатся из-за отсутствия концепций. Именно хорошо продуманные концепции, стратегии, программы позволяют быстро и без проблем решать текущие вопросы, которые перестают при этом быть дырами.

Без них, наконец, наше государство перестает быть консолидированным субъектом политики и управления, а превращается в плохо структурированную номенклатурную массу, озабоченную не интересами страны (которые не сформированы и не ранжированы), а преимущественно своим самосохранением при власти.

Посмотрим, к чему все это приводит на конкретных примерах.

Хрестоматийный пример с водой, которую средний наш горожанин потребляет в два-три раза больше западного. «Потребляет» на самом деле не он, а дырявые водопроводные сети и текущие туалетные бачки, но кого это волнует? У нас нет денег их чинить, а деньги за ушедшую в землю воду куда проще «содрать» с беззащитных горожан.

А во что превратили ваучерную приватизацию, затеянную для создания своего среднего класса, своих мелких собственников? При полной безграмотности населения по части ценных бумаг и отсутствии фондового рынка она, естественно, привела к противоположным результатам: к безмерному обогащению крупных дельцов и обману населения, его отчуждению от государства.

Почему, не умея собирать налоги, мы с упорством, достойным лучшего применения, стремимся обобрать своих едва встающих на ноги предпринимателей? Денег нет в казне? Учителям зарплату платить нечем? Так, может быть, лучше перенести тяжесть налогов с юридических лиц на физические? Например, отменить или предельно снизить налог на заработную плату. И денег соберем заведомо больше (подходный налог возрастет многократно), и от черного нала хотя бы частично избавимся, и масштабы коррупции сократятся.

Интересно, что такого рода «нестандартные» решения нашим ЛПР по вышеуказанным причинам в голову не приходят, либо как раз сокращение масштабов коррупции кое-кого не устраивают, кормушки неохота лишиться? (С водой-то - не знаем как сейчас, но раньше было и похлеще: водопроводчики премию получали за количество прошедшей через систему воды). Мы вовсе не настаиваем на том, что именно это и только это решение по части налогов «правильно». Наш тезис в другом: искать надо именно такого рода решения, а не снижать налоги на прибыль, которых никто не платил и платить не собирается. Тупое упорство в стандартном использовании стандартных средств, когда они явно не работают, никого еще не приводило к успеху.

А финансовые пирамиды? После неизбежного краха грошовые долги было выгоднее оплатить за счет государства: сохранили бы динамично развивающийся фондовый рынок, повысили бы доверие населения к государству. Но нет! Мало того, что этого не сделали, те же ошибки повторили сами в истории с ГКО. Если уж платили по ним такие бешеные проценты, почему было не предоставить возможность получать их прежде всего своим гражданам? Тогда хоть эти деньги в стране бы остались. Но сделали иначе: людей ограбили, средний бизнес уничтожили, доверие инвесторов потеряли, коммунистическую оппозицию укрепили. А платить-то все равно придется: деваться некуда. Сколько бы десятков миллионов сомов долга ГКО ни породила (позволив при этом заткнуть неизмеримо меньшие дыры в бюджете), репутация государства, доверие своих и западных инвесторов стоит неизмеримо дороже. Это объяснять надо?

Не умея распорядиться своими природными богатствами, может быть вернемся к системе концессий? Она ведь в свое время себя оправдала, и страну при этом не распродали. Может быть, не имея денег на финансирование научных работ, создадим банк данных о перспективных разработках и объявим международный конкурс на финансирование? Все лучше утечки умов. Да мало ли чего можно еще придумать, освобождаясь от «стереотипов мышления».

Только все придумки, направленные на благо республики и ее народа, наталкиваются на одно препятствие: они, естественно, оказываются альтернативой воровству, а потому на пути их реализации вырастают непреодолимые препятствия. Так что можем добавить к сказанному: реформы провалились из-за тотального воровства. Надеемся, однако, что в контексте всего остального эта истина оказывается не такой уж банальной. Ведь воровать тоже можно по-разному: зная меру или пренебрегая ею (у самих воров это называется беспределом), вкладывая украденное в дело, в образование детей или в покупку шестисотых мерседесов. Мы не оправдываем воровства, но и воровать лучше с умом (для самих воров). И здесь суть не в воровстве (в других странах тоже воруют), а в той советской ментальности, которая объединяет нас всех - и реформаторов, и их критиков, и воров.

Но это не может продолжаться вечно. Нынешний кризис - это еще один звонок, и кто знает, не последний ли? Конечно, теперь красть остатки казенных денег под предлогом борьбы с кризисом будет другая группа, но мы боимся, что масштабы, принципы и организация воровства останутся без перемен. Равно как и душевспасительные разговоры о борьбе с коррупцией.

Проблема, на наш взгляд, состоит не только и не столько в экономике, сколько, повторим, - в господствующих формах организации мышления и деятельности.

Мы не сторонники эсхатологического мышления, и думаем, что грозит нам не конец. Вспомним судьбу послевоенной Германии. Немцам, конечно, было легче - фашистский менталитет не успел войти в плоть и кровь. Но если бы они не озаботились денацификацией и возрождением Германии, а устроили бы плач Ярославны по поводу разрушенного хозяйства и дезинтеграции страны, нагло разворовывая все, что осталось, то еще неизвестно, как сложилась бы их дальнейшая судьба. Уж «германского чуда», точно, не произошло бы. У них нашлись, однако, необходимая сила духа, внутренняя честность, а потому нашлись К. Аденауэр и Л. Эрхард. Найдутся ли они у нас - вот в чем вопрос. Или нам придется вспоминать не послевоенную, а предвоенную историю Германии? Ибо советская и фашистская ментальность - две стороны одной медали, а перевернуть медаль куда проще, чем заменить ее. Замена требует рефлексии и мышления, а переворот - всего лишь смены идеологии.

Итак, основной вывод из всего вышеизложенного мог бы звучать так:

- чем глубже мы познаем природу менталитета, тем очевиднее становится, какая огромная сумма проблем нашей духовной жизни все еще остается слабо исследованной, а кое для кого - неизвестной. А ведь уже сегодня ясно, что не только весь ход отечественной истории, ее глубокие изломы и повороты не могут быть правильно поняты и объяснены без учета ментальности, но и все запутанные противоречия современной жизни нельзя глубоко уразуметь, пренебрегая учетом складывавшегося столетиями и дающего о себе знать сегодня менталитета кыргызов;
- в наше время, когда кыргызстанцы переживают очередной перелом в развитии, когда их менталитетом пренебрегают реформаторы, все очевиднее то, что наряду с общей непродуманностью реформ в Кыргызстане, пренебрежение менталитетом кыргызов - одно из обстоятельств, чреватое весьма тяжелыми последствиями как для судеб реформ в Кыргызской Республике, так и для политической карьеры самих реформаторов;
- становится все очевиднее, что отечественные реформаторы конца XX столетия, поверившие в то, что со своим уровнем компетентности, не позволяющим им понимать природу менталитета нашего народа, они способны преобразовать и обновить Кыргызстан, заблуждаются столь же глубоко, как русские революционеры в России начала нашего века;
- Кыргызстан стоит перед альтернативой: либо ее политическая элита, желая добра своей стране и своему народу, найдет в себе силы выдвинуть лидера, способного осознать суть менталитета кыргызского народа и следовать его требованиям в своих действиях, либо ее лидеры, холуйствуя и копируя чужое, поставят наше общество перед взрывом, а себя приведут к утрате политического влияния.

В настоящее время практически нет исследований, изучающих особенности менталитета народа Кыргызстана, возможностей его применения в системе менеджмента, а также анализирующих особенности национальных традиций. В связи с этим государственным органам необходимо вести систематическую работу с исследователями, учеными, прежде всего в таких областях науки, как философия, этнография, религиоведение и т.д., где для отечественных специалистов остается непочатый край работы.